

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 330.1

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ КРИЗИС БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ДЕЙСТВИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Солодовников С. Ю., д.э.н., профессор,
зав. каф. «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Экономическая наука традиционно на протяжении многих десятилетий, даже столетий, была и продолжает оставаться идеологической доктриной. Общественное сознание, его базовые ценности всегда идеологически оформляются и защищаются государством. Без государственной идеологии, патриотизма не может быть социальной стабильности и эффективной экономики. При выборе модели хозяйствования приоритетной является господствующая идеологическая доктрина. Выбор между гуманистической идеологией, в основе которой лежит такой критерий общественного прогресса, как снижение социального каннибализма, и идеологией рыночного либерализма, в основе которой лежит социальный каннибализм, — именно это формирует принципы хозяйственной жизни любого государства [1].

Белорусская экономическая наука «находится сегодня в гносеологическом кризисе» [2, с. 17]. Это обусловлено тем, что после распада СССР отечественная экономическая наука во всех бывших советских республиках оказалась в глубоком упадке. Причиной этого явилось: во-первых, длительное монопольное господство марксистской аксиоматики, что привело к упрощенному делению всех имеющихся зарубежных научных школ и теорий на марксистские и антимарксистские; во-вторых, на смену марксистско-ленинским идеологическим догмам пришел огульный отказ от теоретических разработок советских обществоведов и экономистов; в-третьих, незнание отечественными учеными-экономистами многообразия теорий и направлений современных экономических наук, и, как результат,

неумение ориентироваться в современных экономических понятиях и категориях; в-четвертых, отказ от политической экономии и как следствие этого – игнорирование экономической идеологии. Все это в совокупности представляет потенциальную угрозу для национальной безопасности Республики Беларусь, поскольку не только значительно снижает критический и прагматический потенциал экспертного сообщества и порождает огромное количество самовозглашенных «специалистов» в области модернизации национальной экономики, многие из которых пытаются навязать чуждую нашему народу либерально-рыночную идеологию, и тем самым создать условия для возникновения и эскалации социальных конфликтов, но и затрудняет принятие стратегически важных решений по определению стратегических направлений социально-экономического развития нашей страны.

Сложившаяся ситуация становится серьезной угрозой для экономической, социальной и политической безопасности страны в современных условиях информатизации и перехода человечества к новому этапу развития – экономике рисков, под которой нами понимается «экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. В отличие от традиционных экономических рисков как возможности потерь хозяйствующими субъектами вследствие рыночной неопределенности или вмешательства государства в экономическую деятельность, являющихся атрибутивными признаками рыночной экономики, в современной экономике риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе не предсказуемы – «черные лебеди», «эффект сверхуверенности» и т. д.» [2, с. 39]. Как нами уже отмечалось ранее, «современная экономика перестает быть рыночной в понимании рынка первой половины XX века» [3, с. 23]. Соответственно, усложняются задачи, стоящие перед специалистами в сфере обеспечения национальной безопасности, что вызывает дополнительные проблемы при подготовке гражданских кадров в области экономической безопасности, по сравнению с подготовкой кадров в сфере обеспечения национальной безопасности для силовых ведомств.

Ни в коем случае не принижая сложность и важность задач, стоящих перед силовыми структурами, обеспечивающими безопас-

ность страны, а также их высокие компетенции в этой сфере, подчеркнем, что все их специалисты отличаются патриотизмом и стремлением защищать свою страну и свой народ. Такого рода личностные характеристики являются обязательным требованием как при поступлении в профильные учебные заведения, так и при прохождении службы.

При поступлении в гражданские вузы, обеспечивающие подготовку специалистов экономического профиля, критерии патриотизма и любви к Родине в большинстве случаев не учитываются. В студенческой группе могут оказаться как люди, патриотически настроенные и разделяющие идеи гуманистической идеологии, так и те, кто придерживается либерально-рыночных, а иногда и социально-каннибалистических взглядов, готовые на все ради личного обогащения. Может так оказаться, что большинство в студенческой группе еще определяется со своей жизненной позицией, и тогда решающее значение в борьбе за их души (подвергающиеся непрерывным атакам с применением информационного оружия со стороны не дружественных нашей стране акторов) фактически отводится преподавателю. А вот тут возникает ряд проблем, связанных с тем, что: 1) является ли сам педагог патриотом своей страны; 2) владеет ли он теоретическими знаниями, в том числе знаниями в области экономической истории и политической экономии, чтобы самому понимать процессы, происходящие в мировой, национальной и региональной экономике, различать среди множества разнокачественных фактов и событий действие экономических законов и закономерностей; 3) достаточно ли он компетентен, чтобы воспитать из студентов патриотов своей страны и выработать у них компетенции, необходимые для их последующей профессиональной деятельности.

Кроме того, существует проблема определения компетенции самого преподавателя руководством вуза, профильным министерством и ведомством, социально-научным сообществом. Сегодня цифровизация информационного пространства предоставляет дополнительные эффективные инструменты для решения этой задачи. Поскольку сегодня практически все авторитетные научные издания в области экономики в Республике Беларусь и за рубежом включены в библиографические базы данных научного цитирования (Scopus, Web of Science, РИНЦ и др.), то определить уровень научного

признания любого ученого (исключение составляют некоторые ученые-обществоведы, по характеру своей работы использующие только или преимущественно белорусский язык) можно на основании автоматически рассчитываемого индекса Хирша. В РИНЦ приводится следующая рекомендация по соотношению индекса Хирша и социально-научного статуса: индекс Хирша от 0-2 по РИНЦ соответствует научной активности начинающего ученого (соискателя ученой степени, аспиранта); индекс Хирша от 3 до 6 по РИНЦ соответствует научной активности кандидата наук; индекс Хирша от 7 до 10 по РИНЦ соответствует научной активности доктора наук; индекс Хирша от 11 до 15 по РИНЦ соответствует научной активности известного ученого (члена диссертационного совета, основателя научной школы); индекс Хирша от 16 и выше по РИНЦ соответствует научной активности ученого с мировым именем (руководителя научной организации, председателя диссертационного совета). Российский опыт использования такого подхода позволил улучшить кадровый состав советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, усилил стимулирование научной и публикационной активности научных работников и преподавателей вузов. Естественно, что такой подход не следует доводить до логического абсурда.

Еще одной серьезной проблемой, непосредственно влияющей на гносеологический кризис белорусской экономической науки, является парадигмальный кризис всей экономической науки. Ж. Бодрийяр по этому поводу категорически заявляет: «политическая экономия кончается на наших глазах, превращаясь в трансэкономiku спекуляции, которая забавляется своей собственной логикой – закон стоимости, законы рынка, производство, прибавочная стоимость, классическая логика капитала, но которая не несет в себе более ничего экономического или политического. Это – чистая игра с изменчивыми и произвольными правилами, катастрофическая игра» [4, с. 53]. Названный автор также констатирует: «Экономика, ставшая трансэкономикой, эстетика, ставшая трансэстетикой, сексуальность, ставшая транссексуальностью, – все это сливается в универсальном поперечном процессе, где никакая речь не сможет более быть метафорой другой речи, потому что для существования метафоры необходимо существование дифференцированного поля и различных предметов. Но заражение всех дисциплин кладет конец

такой возможности. Полная вирусная метонимия по определению (или, скорее по отсутствию определения)» [4, с. 14]. Следует согласиться с Ж. Бодрийяром, что без четкого определения экономических феноменов невозможно существование экономики как науки. В противном случае экономика превращается не в науку, а в совокупность мнений, исходящих из «интуитивно понятных» терминов. Причем на поверку оказывается, что все участники такого «интуитивного» осмысления сложнейшей социальной системы – экономической системы общества – под таковыми терминами зачастую понимают совершенно разные сущности.

Ж. Бодрийяр, говоря о сущности современных развитых экономик, основанных на либерально-рыночной доктрине, подчеркивал, что по сравнению с индустриальными обществами роль идеологии начинает играть все большее и большее значение в хозяйственной жизни, именно экономическая идеология позволяет избегать серьезных социально-экономических конфликтов, делает латентными классовые противоречия, препятствует росту самосознания низших и средних классов, переводит политэкономическое противостояние на основе совпадения и противоречия классовых интересов в симуляцию политики [4]. Этому способствует то, что «впервые в человеческой истории созданы действительно всеохватывающие сети (на базе интернета) социального контроля и моделирования поведения больших масс людей» [4, с. 6].

Но вернемся к парадигмальному кризису экономической науки. На методологические и фактологические огрехи либерально-рыночной доктрины достаточно давно указывали многие светила западной экономической науки. Так, Й. Шумпетер едко замечал, что, если кто-то «будет пытаться поправить дело с помощью магического заклинания, – например, бормотать «Спрос и Предложение!» или «Планирование и Контроль!», – значит он находится во власти дорационального мышления» [5, с. 172]. П. Кругман, критикуя парадигму саморегулирующегося рынка, писал, что «история предполагает, что экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих» [6, с. 458]. Вместе с тем, отказ от либерально-рыночной доктрины сам по себе еще не приведет

к преодолению парадигмального кризиса современной экономической теории, поскольку она может быть заменена иной ошибочной социальной парадигмой.

Поэтому необходимо сформировать новую экономическую парадигму, опирающуюся и ориентированную на исследования реальных экономических систем, а не неких идеальных моделей. Поэтому разделение всех существующих сегодня экономических научных школ и направлений необходимо проводить не по критерию «план или рынок», а по тому, какие они исследуют объекты: реальные социально-экономические процессы или виртуальные (идеальные) модели. Иначе говоря, вопрос заключается не в том, являются ли выводы исследователя логически возможными, а в том, до какой степени они соответствуют сущности экономических явлений.

Следует отметить, что сегодня идеальные модели зачастую используются как идеологическое оружие, направленное на подрыв национальной безопасности. При этом последствия от применения такого рода «оружия» не зависят от того, сознательно ли его автор отказывается (искажает) от принципов научного познания экономических объектов или делает это по причине искреннего заблуждения.

Современное общество и экономика находятся на таком уровне развития информационных сетевых технологий, которые позволяют активно использовать общественно-функциональные технологии, направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов. Сегодня все чаще и чаще стали встречаться новые понятия «информационное оружие» и «информационная война», которые, в сущности, означают революцию не только в военном искусстве, но и в сфере компьютерно-информационных технологий. Часто за этим скрываются принципиально новые формы противоборства, в которых победа, «подавление противника» будет достигаться не с помощью классического (даже ядерного) оружия и традиционных способов ведения войны, а путем массированного использования информационного оружия. Многие аналитики технологически развитых стран считают этот вид оружия решающим фактором владения современным миром. Национальные информационные ресурсы сегодня составляют все большую долю национального богатства в развитых странах. «Информационное оружие» сейчас называют «Троянским конем XXI века». Появление информационного про-

странства привело к появлению желающих не только поделить это пространство, но и контролировать и управлять процессами, в нем происходящими. Для этого используется так называемое технико-ориентированное информационное оружие, которое подразделяется на то, которое направлено против компьютерных систем и способствует всяческой трансформации информации в пользу информационного агрессора. Оно выступает в таком случае в качестве средства уничтожения, искажения или хищения информации; средства преодоления систем защиты; средства ограничения допуска законных пользователей; средства дезорганизации работы технических средств, компьютерных систем. В отличие от технико-ориентированного информационного оружия, информационное оружие как общественно-функциональная инновация подвергает воздействию определенные группы социальных субъектов с целью навязывания им нужного манипулятору социально-экономического поведения.

В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, «появление в мире новых рисков, вызовов и угроз, обострение глобальных проблем, насущные потребности по обеспечению устойчивого развития в Беларуси объективно потребовали поиска новых подходов к обеспечению национальной безопасности» [7]. Одним из важнейших механизмов обеспечения безопасности на всех уровнях управления является совершенствование подготовки гражданских кадров для сферы национальной безопасности, в том числе инженерно-экономического профиля.

Список литературы

1. Солодовников, С. Ю. Доктрина гуманизма / С. Ю. Солодовников // СБ. Беларусь сегодня, 29 ноября 2018 г.
2. Солодовников, С. Ю. Экономика рисков / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018 – Вып. 8. – С. 16-55.
3. Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015 – Вып. 3. – С. 23-34.

4. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство «КДУ»», 2014. – 260 с.
5. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер – М: Эксмо, 2007. – 861 с.
6. Кругман П. Великая ложь / П. Кругман. – М. : АСТ, 2004. – 474 с.
7. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. №575 // Комитет государственной безопасности Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://kgb.by/ru/ukaz575/>. – Дата доступа: 02.09.2019.

УДК 330

HUMAN DEVELOPMENT AND REGIONAL GROWTH

Elkin S. E., candidate of economic sciences, docent

Elkina O. S., doctor of economic sciences, docent Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
North-West Institute of Management St Petersburg, Russia

Sustainable development indicators are called criteria and indicators used to measure the level of development of a particular geographic area (city, country, region, continent, the world community), to project its future state (economic, political, environmental, demographic, etc.), to determine the stability of this state. Indicators serve as a basis for planning the activity towards sustainable development, working out the policy in this area [1].

In the economic sphere sufficiently ambitious goals are determined:

- improvement of the territorial distribution of productive forces, economic zoning, building and strengthening of the regional economy points of growth;
- creating a positive image of the region as a region for prospective investments, with favorable conditions for doing business;
- development of foreign trade, interregional cooperation, implementation of the existing capacity in inter-territorial co-operation according to the strategic directions of the region and the neighboring regions development.